

МОСКВА. Ц. 5 РУБ.
(50 ТЫСЯЧ)

ВЫХОДИТ 2 РАЗА

В МЕСЯЦ

1го и 15го

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

Адрес редактора
Василия Каменского:
Мясницкая, 21, кв. 5.

(Прием по понедельникам
от 12-3 ч. дня.)

Адрес зав. ред. С. Фрида:
Камергерский, 6, кв. 50, тел. 2-06-27.

Обложка раб.-Павла Кузнецова и С. Бобутовой.

МОЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Москва.

Февраль 1922 г.

Если воистину мы—впереди Мира, то наше Искусство обязано быть изумляюще новым и расцветным без берегов.

СИЯЙ.

Будь с нами.

Сиять во что бы то ни стало —
это лозунг сегодняшней жизни для
жизни.

Солнцевеющая бодрость до конца.
Фарабанста.

Впервые над человечеством восходит
солнце духа.

Крылья из.

Прожекторы радиоактивных глаз.

Горизонтный лоб разума.

Пространство—воля наша.

На. **Конструируй жизнь.**

Засучивай рукава.

Будь.

Существуй.

Запрягай мускулы в оглобли событий,
кати экипаж революционных затей.

К совершенству все.

Фарабанста.

В раздоль твою на великий пролом.
Размах без берегов.

Чуй. Знай. Помни.

Сегодня жизнь кумачевая — малина:
Ешь пироги бодрости и делай дело.

Мы—это мы.

Ты—это ты. Вот истинно ты, с кото-
рым я разговариваю.

Будь с нами.

А мы—это те, кто пришли в мир не
для себя, но для всех нас.

И наше назначенье—сиять во что бы
то ни стало.

Ни секунды уныния или малодушия —
к чорту,— ни шагу к пропасти без-
различия или бездеятельности —
к чорту.

Все в порядке вещей.

Ни страха, ни ужаса, ни прокля-
тий не должно быть пред гильотиной
судьбинности.

Ибо знаем, что скверно живется, но
глубиннее знаем, что гениальностью
обвеяны мы и только надо найти
силы пережить циклон бедствий.

**Солнцевеющая, искренняя бодрость спасет
нас.**

Мы—победители и мы будем сиять
во имя Сегодня.

Фарабанста.

Василий Каменский.

*Революционная неотцветаемая весна нашей новой жизни
да здравствует навеки.*

Рождение „Моего Журнала“.

Еще в далеком детстве я мечтал о своем журнале. И потом, восходя по ступеням посланных лет юности, много раз я рукописными средствами осуществлял мечту свою—мало кому близкую и понятную.

Теперь я не на шутку вырос, стал большой, умный и сообразительный.

И больше—все вокруг повернулось ко мне встречально и расцветаяще, как бы желая отметить меня за неостывающую любовь к талантливой жизни.

И вот я дожил до „Моего Журнала“.

До имени духа своего.

Случилось, как все великое, просто: пришел ко мне на вечер словотворчества С. Фрид, с которым мы десять лет не видались (после Петербурга—„Весны“ Николая Георгиевича Шебуева, где вместе печатались), и начали друг перед другом разворачивать панорамы своих биографий.

С. Фрид, со свойственным ему темпераментом петербургского непытанного американца-журналиста воскликнул:

—Пора!

—Что пора?

—Издавать журнал Василия Каменского.

—Ну, что ж, пожалуй. А кто станет читать?

—Все! Армия ваших читателей.

—Неужели я так интересен? Что вы?...

—Удивляюсь вашей скромности.

—Не удивляйтесь, я преисполнен уверенности в своей великой работе поэта, но все же я был и останусь скромным человеком.

—Пора вам развернуть себя по-океански, по-каменски, во всю ширь. Ведь вы всегда принадлежали Искусству.

—Всегда.

—Василий Каменский для армии его словотворчества—знамя. И это знамя развеивается над головами величайшего юношества нашей новой революционной России.

—Да, я верю, чувю. Я не принадлежу себе. Нет. Я весь в общем зареве кузницы нового мира.

—Ваш журнал поможет общей борьбе за счастье и смысл жизни.

—Согласен.

—Но мне трудно будет справиться одному.

—Я помогу. Мы поможем. Все помогут. Ибо сегодня Ваше житнетворчество, Ваше Искусство, Ваша неисчерпаемая энергия, Ваш океанский размах затей необходимы всем.

—Согласен. Я готов. Я всегда готов на великое и чудесное дело. Солнце знает об этом: потому что, когда его нет на небе жизни—это солнце светит во мне. Я готов отдать свой свет. Пожалуйста.

?

Что увлекает Вас сегодня?

?

Анкета „Моего Журнала“.

Л. В. Каменев.

Победить Л. Джоржа в Генуе.

О. Д. Каменева.

Мгия все увлекает, к чему я непосредственно творчески прикасаюсь.

Василий Каменский.

Революция. Жизнь. Солнце. Любовь. Морс. Стихи. Друзья. Собаки. Фрукты. Сигары. Совершенство. Азияция. Цирк. Юпит.

В. В. Маяковский.

Увлекаюсь всем. В данную секунду пишу рифму к Фотисовой.

А. Я. Таиров.

— Театр.

В. И. Мчедлов.

Это моя тайна.

В. В. Тихонович.

(Завед. Тса Главполитпросвета).

Мечта расторгнуть брак на расчету—театра и НЭПО.

А. В. Нежданова.

Отвечаю б. летчику В. В. Каменскому: мой первый воздушный полет—тури: Москва—Париж—Милан—Лондон.

А. Г. Коонен.

Путешествие вокруг света.

Валерий Брюсов.

Слишком многое.

М. М. Шлуглейт.

Судьба театра. Его упорно превращают в курочку, несущую золотые яички. Как бы ни умерла курочка и мы не остались бы и без курочки и без яичек. Меня увлекает мысль—как бы это изменить.

Павел Кузнецов.

Подготовка к весенней выставке моих картин.

Николай Голованов.

Факт, что Пикассо вернулся к классической живописи Эмира.

Х. П. Славянов.

Аэро-жизнь нашего строительства.

ПУШКИН—
ЛЕРМОНТОВ,
МАЯКОВСКИЙ—
КАМЕНСКИЙ.

(Статья С. Фрида).

I.

„Нет двух поэтов столь существенно различных, как Пушкин и Лермонтов“, так восклицает Белинский при оценке творчества того и другого.

— Пушкин на вечные времена останется маэстро всех будущих поэтов...

А Писарев объявил Пушкина ничтожным. Писарев хотел создать целое течение, „упраздняющее“ поэта, но это течение никого почти не вовлекло в свои воды, несмотря на то, что взгляд Писарева несомненно отожествлял взгляд определенной части общества.

— Пушкин — поэт синтетический, поэт, у которого пафос души отражен в сфере искусства для искусства.

— Лермонтов — поэт мысли, истины и разума.

Его поэзия взволнована нравственными вопросами, бытием человеческой личности.

Стих Лермонтова есть средство для воплощения идей.

Когда Пушкин на жизненном пиру пьет из чаши пьянищую влагу и звучно возвещает красоту цветов, синь небес, преданья, сказанья, пророчества, Лермонтов стоит у вопросов, леденящих душу, поэт омрачен мировой проблемой и ищет иной гармонии для бракосочетания элементов, из которых складывается жизнь и поэзия.

Язык Пушкина — язык художника реалиста, ибо реализм суть его гения, и не даром после Пушкина поэзия стала делом жизни, ее общественным сознанием. Язык Лермонтова — язык мудреца, в чьей душе, как в океане „надежд разбитых груз лежит“, его язык — это треск грома, блеск молнии, взмах меча, визг пули.

Оба они, или, вернее их, судьбы скорее в одном: Пушкин в 1837 году, а Лермонтов на четыре года позже перестали существовать от одной и той же причины.

Один — угас за черной речкой близ комендантской дачи, другой — за городским кладбищем на взгорье, у подшвы Машука, один — в январе, другой — в июле.

II.

Маяковский и Каменский.

Первого из них я часто встречал на улице Жуковского, кв. 42...

Вы, читатель, не знаете, в каком это городе и как расположена улица. Это объясняется плохой ориентацией вашей в предметах старины; улица эта „Маяковского тысячи лет“... И это не только утверждение самого Маяковского, а историческая справка для будущего исследователя мирового

Приветствие Наркома А. В. Луначарского

„МОЕМУ ЖУРНАЛУ“.

С удовольствием буду участвовать. Сочту за честь.

Луначарский.

футуризма:

Это такая же важная деталь, как и корректив на 40-й странице „историко-литературного очерка Л. Маякова“:

— Пушкин 19-го сентября 1851 года, то есть, до истечения срока отпуска, явился на службу.

Мне думается, что если бы Владимир Маяковский никогда не показывался толпе, если бы мы не знали, что он ростом в три сажени, что голос его подобен храпу Шалыпина, что он может показать язык всем аудиториям всего Политехнического музея и всех музеев Европы, — то он и сейчас был бы уже исторической личностью, как поэт.

Ибо, как таковой — он велик.

Стихование до Маяковского считалось почти обязательным для каждого молодого человека, но пришел Маяковский и провозгласил:

„Долой вашу любовь, долой ваше искусство, долой ваш строй, долой вашу религию“, это — в предисловии к „облаку в штанах“ и стал:

„Голов людских обдѣлывать дубы“ и поэтики не перестали писать, только их писания дребезжат и по сию пору, как шипение газового рожка в ремонтном арсенале рельс...

Бух, бух, ба-бах, тара-рам-там-там.

Бьет Маяковский по изогнувшимся рельсам, выравнивая их и пуская свой быстрокрылый поезд в глубокую ночь. А искры падают бриллиантовыми снепани.

— Слышите —

солнце первые лучи выдало,

еще не зная,

куда —

отрабатов денется

это я, —

Маяковский,

подножию подола

нес

обезглавленного младенца

(„Война и мир“).

И когда ему — Маяковскому — надо едаёт шарить по земле, он вздыбает рельсы и едет на небо, а там не замечает никаких надписей на вратах. Для него не существует плакатов:

— Вход воспрещается.

И не смущаясь ликом Господа, „солнце моноклем вставив в широко растопыренный глаз“, он ведет беседу с ним такую:

— Послушайте, господин Бог!

Как вам не скушно

в облачный кисель

ежедневно обмакивать раздоб-

ревшие глаза?

Давайте, — знаете —

устроим карусель

на дереве изучения добра зла!

И, огромив мощью голоса надзвездный мир, Маяковский уже кружится по всей оси земного шара и вопит о том, что ядро земли приковано к его ногам.

Маяковский не эстет, не романтик, он просто рабочий в лаборатории поэзотворчества, словоизобретения...

Может быть

Наш

Труд

Великих занятий роднее

Я тоже фабрика,

А если без труб,

То, может,

Мне

Без труб труднее?

Но это — не жалоба, это просто информация.

Мироощущения Маяковского вне влияния футуристов Маринетти, Карра, Арденго Соффичи, Лачербы и др. Маяковский мир воспринимает по-своему, снисходительно, мол. —

— Существует, ничего не поделаешь.

Подожду еще немного, а потом расквашу вдребезги все, к чорту.

— И новый мир построю.

А в этом новом мире будут новые люди, которые будут знать и помнить цитаты Маяковского, как строки из Лермонтовской „Мцыри“.

„Немного лет, тому назад,

Там, где сливаясь шумят,

Обнявшись, будто две сестры

Струи Арагвы и Куры“...

Или как:

„Цыгане шумною толпою“...

У Маяковского хватит терпения выждать, ибо он своими предчувствиями не мистифицирован, он верит в свое грядущее, которое сам себе уготовил, и в это грядущее начинают верить даже враги Маяковского.

Василий Каменский!

И снова я должен начать à tempo.

— Нет двух поэтов, столь существенно различных, как Маяковский и Василий Каменский.

Василий Каменский не знает будней, у него свой замечательный календарь, где все странички отштампованы красным.

Его понедельники.

Вторники,

Среды,

Четверги,

Пятницы и

Субботы

Все — Воскресения!

Со звоном колоколов, с праздничными нарядами, с хороводами, с суетой на карусели или в цирке, с бойкой торговлей и гамом ярмарки.

Весь мир — для Каменского футбольный мяч.

Осеребрянный, начиненный бубенцами, и Каменский швыряет его до самого солнца, купает его в облаках, и если шар застревает на небе, то Каменский не огорчается.

Он летчик и, снарядив свою птицу,

несется высоко, высоко, чтобы собственными глазами узреть отраженье небес в земном.

Каменский обладатель несметных богатств, и когда он ходит по своим садам, то колдовством словозвучий ласкает цветы, любовным экстазом зажигает сердца белокурых ландышей и звенит, звенит своими стихами в ответ на их ароматные зовы.

Виртуозность формы стиха Каменского совершенно исключительна, он ощущает каждое слово каждой строки и нащупывает их шупальцами души, а распоряжается ими, как король своими подданными.

И когда на-днях я видел в частном доме сеанс гипноза проф. П. Н. Каптерева, то сидел и думал над той тайной, которой владеет великий гипнотизер нашего времени — Василий Каменский.

Трезвая дерзость Каменского обречена с гармонией и вкусом, его пассы,

при гипнозе словами очень убедительны и искренни, его лучезвучия ясны, как капельки росы на солнце.

Нет, Василий Каменский, не фабрика Маяковского, и то, что он „без труб“, не вызывает никаких затруднений на его Парнасе.

Вот, будь он без мирообъемлющей идеи чувства красоты, все листики календаря его перепутались бы, и красные жилки цифр наструились бы черным фаршем будней.

А он спорсментитрует своим счастьем молодости необычайно смело, как будто парикмахер никогда не огорчит его найденным осеребрянным волосом.

Поэзия Каменского — не мятежная поэзия, он к Богу не пойдет и к чорту не полезет, а вот на ярмарку жизни — извольте, придет с гениальным лозунгом:

Снять во что бы то ни стало!

С. Фрид.

Что увлекает Вас сегодня?

А. П. Петровский.

— Реорганизация форм системического творчества.

Г. Б. Якулов.

Завоевание „Питtoresка“ илю „Анциентрический театр“.

А. П. Южип.

То, что есть жизнь — свобода.

А. А. Санин.

— Жизнь, бьюсь и жеду перспективны, когда буду иметь настоящую фактически и правдивую возможность для творческой работы.

Время выдвинуло ослепительные задачи художественно-просветительного характера. Они бездонны и их надо не медля воплощать, а то жизнь не хватит.

А. В. Ленивулов.

И сегодня, и всегда меня увлекает мысль об искусстве. Последняя мысль: постижение в искусстве наизуаает тайны, когда художник научится видеть природу и ощущать ее.

В. П. Цикулин.

Сегодня, как и всегда меня увлекала, увлекает и будет увлекать жизнь и только жизнь.

Все остальное лишь ее составные части и, как таковые, менялись и будут беспрерывно меняться. Жизнь, как солнце, и прекратится, потушит вместе с ним.

Спутниками жизни признаю красоту и любовь.

Этому поклонялся и буду поклоняться до последнего вздоха моего.

Н. М. Церетели.

Мое вечное, — то, что прекрасно.

В. Г. Сахновский.

Моя подготовка „Прозы“.

ВХУТЕМАСЦЫ!

Эй, вы, расчудесное буйное племя живописи красных полей современности, знайте, чуйте:

Я вас отчаянно люблю за вашу психологическую взвешенность мятущихся душ и сердец, — за ваше сильное землетрясение ненадежности, неустойчивости, неорганизованности, неопределенности.

Вы, неостывающе молодцы — вы всегда взбунтованы — всегда орете, кричите, бегаете, горите — и это великолепно.

Правильно — до без берегов.

К чорту — берега.

Вы — сван новон основцы мира и вам ли не следует яро волноваться во все колокола московской интущины — ххабба — хач — хабараца.

Чтобы утвердить свою раздолье.

И пока вы — цветнокожие вхутемасцы — держи-

те солнце за рога и поворачивайте морду солнечной энергии в свою кумачовую сторону — вы на верном пути.

„Кто там шагает — правый?“

— Левый, левый, левый“.

Так командует Маяковский вам, орлятам из пнезда, откуда он вылетел сам.

Так я — друг ваш неубитанный, штурман дальнего плаванья, завещаю вам строить воистину **Новый мир — наш мир, левый мир**, чтобы до конца пронизть свою жизнь коблем гениальной современности.

Оубре в ритме времени.

Оубре с нами.

Мы — это вы.

Чуйте дело.

Василий Каменский.

ЦУВАММА.

Провозвестница птица
Полярной Цуваммы
Встречальной страны
Приливающих дней—
Из Ковчега Грядущего
Посланы к вам мы—
Мы—кому жизнь горизонтов
Видней,
Мы—поэты любимой Цуваммы
Цамайра—Цамайра.
Цамм—цама
Цамм—цама.

В крыловойной стране
Солнцеутренних песен,
На единственном острове
Среди синих морей,
Наш таинственный взлет
До чудес поднебесен,
До карнавальности звезд—янтарей.
Мы поэты астральной
Полярной Цуваммы,
Дети острова Радостей,
Избавители Злого
Принесли:
Вольнотворческий Дух мудрецам мы
Верные рыцари слова—
Путешественники из Цуваммы.
Цамайра—цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

В пламени подвигов,
Обвеянные венчально
Поэты страны Океанской Раздоли
Грустинно поем мы—
Перезвучально,
Изнывая в железной неволе.
А неволя железная—
Земная привязанность,
Суета ослепленная мелких страстей
И не чует никто,
Что святая обязанность
Истины слушать из Цуваммы гостей.

Мы прилетели разгадывать тайны,
Создавая вершить
Красоту и людей,
Яркоцветные крылья у нас
Не случайны,
Крылья легенды—судьбы лебедей.

И всех призываем
Зажить мудротворчески,
Как-будто живем
Неизменные там мы,
Где верят светло,
Вдохновляя пророчески
Умы и сердца гениальной Цуваммы.
Цамайра—Цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

Цувамма—Рай
Жбра мау Айя.
Заря полярная Зоррай—
Цамайра цамм цама Тамайя.
Цвети сиянием Галайя,
Чурай слиянием, чурай.
Цамайра дайра
Мадайра марра
Остров поэтов
Цувамма май.
Марш Табатайра,
Жбра мау Зайра
Цамайра внимай.

Лейся симфония—радуга лестница
Выше значение слов окрыли.
О, песнепьянствуй,
Весна провозвестница
Поэтами нагруженные корабли.
Золотороссылью,
Мировенчалностью.
Наполняя сердца утрозарным вином,
Горите звучально
Венчально встречальностью
Гимн распевая
О царстве ином.

Цувамма—Цувамма,
Созвездий флотилия.
Это в тебе нашла вихри мерцаний,
Цувамма полярная,
Любимая лилия,
Лоно величественных созерцаний.
Остров рубинных расцветов
Где Дух—Властелин
Страна солнцетканых поэтов
Бирюзово далее долин.
Цамайра—цамайра
Цамм—цама
Цамм—цама.

Так песня за песней,
Гимн за легендой,
День за назначенным днем,
Сгорает судьба
Алошелковой лентой
Цувамским, чаруйным огнем.
Если вся жизнь
Перелет и горение,
Надо с поэтами утром расти.
Только поэты,
Чьи вечны творения,
Знают великие мудрости.
Ввысь от земли
В небеса увлечения
К горизонтам бессмертия
И божества,
К полярности Духа
Моресвечения
Во славу Человеческого Торжества

Девушки, Юноши,
Из любимой Цуваммы
На крыльях поэм
Семицветных зарниц,
Волей сверхвольности
Посланы к вам мы,
Из страны возникающих
Солнц колесниц,
Из страны откровений Цуваммы.

Девушки. Юноши.
Молодость—Индра
Жбра мау Галайя
Паруса в беспредель.
Цамайра Рабиндра
Цувамма Тамайя.
Карусель. Карусель. Карусель.

Эй, открыватели,
Рыцари Тигра,
Межпланетные струи,
Живоносный исток
Я в своих словотворческих играх
Над вселенной вспеваю Восток:
Ай, гора Джарам Чаррамэ,
Коюн, Чобан Шардамэ,
Ашайри Мзэ заримэ,
Черибан заримэ.
Салям зюля сайлям.

На Востоке Джарам
Гора—Колыбель:
Там рождается Солнце
И утренне-струйное,
Совершая полет в беспредель,
Всем приносит нам
Счастье чаруйное.
Поэты и Солнце,
Красота и Джарам—
Это дух из полярной Цуваммы,
Только этим священным дарам
Петь легенды
Ниспосланы к вам мы.
Вольность и Молодость.
Чудо воскресни,
И оживи жизнедатную грудь

В долинах Цуваммы
Неисчерпаны песни
И цветет неизбежно
Весна—изумрудь.

Цамайра, Цамайра
Дорогая Цамайра
Я снова провижу твой зов
Из планет.
Цамайра, Цамайра
Рабиндра Цамайра.
Снова вернусь я в Цувамму
Поэт.

Путь мой крылатый,
Молниевзорный,
Ворота—царственный простор,
Дух мой высокий,
Дух чудотворный,
Вселенноокый в веках престол.
И я готов.
Вот с неба Лестница
И слышно дружеское пение:
Цуваммы птица провозвестница
Я знаю истинные ступени.
А здесь мне тесно,
Несносно больно
И я в отчаянной прощальности
Вам оставляю жить раздольно
Для солнцeveкующей Венчальности.

Туда. Туда.
Жбра мау харра.
На остров Индра
Цувамма май.
Цувамма дайра
Сияй Рабиндра.
Восток Джарам
Мой гимн внимай:
Ай, гора Джарам Чаррамэ.
Коюн, Чобан Шардамэ.
Амайри Мзэ заримэ,
Черибан заримэ.
Салям зюля салям.
Цамайра—Цамайра,
Цамм—цама
Цамм—цама.

Василий Каменский.

Трагикомедия в 4 актах
Василия Каменского,
„ЗДЕСЬ СЛАВЯТ РАЗУМ“

В ЭТОТ МОМЕНТ ГОТОВИТСЯ для глаз зрителей в театре б. КОРШ.
„Мой журнал“ приветствует столь неожиданную для всех
театральную революцию.

Пьесу ставит В. И. Мчедлов.

Помните о голодных!

(У Ольги Давидовны Каменевой.)

—Проведите меня, пожалуйста, в кабинет тов. Каменевой, обратился я к одному из канцеляристов „Комгола“, в Кремле, в комнате 54.

—У Каменевой здесь нет кабинета.

—А где?

—Нигде, послесловал лаконический ответ.

—Каменева—без кабинета!

Министр—без портфеля!

Скоро я увидел Ольгу Давидовну с кипой бумаг в руке, она переходила от одной барбишн-машинистки к другой, от одного посетителя к следующему.

Девиз Каменевой в деловой беседе—лаконизм, сжатость.

—Цифры, цифры, товарищ, бросает она прибывшему из голодной губернии делегату.

—Ваш поезду отправляется сегодня, извещает она студента-свердловца т. Поля, уезжающего в одну из голодающих губерний.

И все это палесту, мимолетом, подписывая бумаги, хлопоча о том, чтобы сотруднице Л-ой была выдана карточка на обещ...

Я обдумываю свою атаку на Ольгу Давидовну, но четыре товарища, из которых один широкоплечий инженер, ростом с Маяковского в Кубе,—заслоняют ее от меня наступающего и справа, и слева.

Наконец, мы вдвоем на жесткой скамейке у дверей.

—Ольга Давидовна—к телефону, кричит мой злейшей враг, чьего имени я не знаю.

По —поздно...

Ольга Давидовна рассказывает о голодающих.

—Количество голодающих, если не считать Украины, которая самоснабжается, если не считать неблагоприятных губерний и уездов, а учесть Волгу—то абсолютно голодающих насчитывается до 13 миллионов.

Помощь, оказываемая голодающим значительна, но далеко не удовлетворяет подлинным потребностям несчастных.

„Ара“ является—одной из крупнейших организаций, помогающей нам в тяжелом горе.

„Ара“ прокармливает ежедневно около одного миллиона двухсот тысяч детей в день, части из которых продовольствие выдается сухим пайком.

Плановое стремление в общей сложности довести количество питаемых „Арой“ детей до двух миллионов в день.

Особое внимание обращено мною на переброску детей из голодных губерний, а результаты переброски—таковы:

С 1-го ноября по 1-ое февраля вывезено 61.655 детей из 238.650 голодающих ребят. И если на долю Сибири дошло 5245 душ, Украины—6.800 детей, то Орянская губерния, сама почти голодная, приняла 1.863 детей и другие губернии, мало обеспеченные продовольственно, поступили так же героически.

Необходимо всем без исключения развить максимальную инициативу в деле помощи голодающим.

По линии профессиональной.

—Необходимо, чтобы отдельная профессиональная организация просто приняла на иждивение и опекала группу голодных, при чем—на расстоянии, содержанием там на местах вспомогательных форм помощи.

Это могут и обязаны сделать и артисты, и писатели, словом вся интеллигенция, та интеллигенция, которая раньше откланкалась и приходила на помощь родине в тяжелую минуту.

По линии трудовой—необходимо остановить свое внимание на утилизацию всего в обиходе, что только подается учету. Из пары старых рукавов пальто можно сделать валенки для замученного холодом голодного ребенка.

Необходимо каждому пересмотреть свою кухню и добровольно отделить для голодающих то, что важно и полезно в борьбе с этим злом.

Молодежь должна будировать своих матерей, отцов, националь, заставляя каждодневно заботиться об умирающих в Поволжье людях.

Я бы рекомендовала каждому сделать надпись над кроватью своей и перед сном себя проверить в напоминание с плаката:

—Что ты сделал сегодня для голодных?

* *

О. Д. Каменева*, окруженная многочисленными посетителями, вынуждена прервать свою беседу.

8-го февраля О. Д. Каменева выехала в Берлин на 5 недель.

С. Фрид.

**Что ты сделал
сегодня для голодных?**

Восприятие слова.

Известно, что Брока открыл (в коре большого мозга) двигательный словесный центр.

Впоследствии Вернике открыл (в верхней левой височной извилине) второй чувствительный словесный центр.

В этих центрах организуется словесное представление (иные исследователи эту организацию слова не связывают с определенными местами мозга).

Кусмауль же — яркий знаток этой области, — изучивший различные болезненные состояния центров речи — собранных под общим названием **Афазии** — дает все основания предполагать, что стан читателей сплошь страдает афазией и поэтому не в силах воспринять высшее мастерство слова.

Всегда я говорил, что Б. поэт в чем-то сознательно ошибается — и хотел этим намекнуть на огромную долину общего непонимания, лежащую меж двух гор: поэтом и читающей публикой.

Поэт — мастер — строитель высшей организации Слова, Мысли, Речи, Формы.

Поэт создает книгу, насыщенную яркими образами, ритмической стройностью фраз, волей ясного разума, любовной чувствительностью к завершению творчества, непрестанной взрывностью словесного трепета.

Книгой Поэт являет законченную Волю своего дарования словесного мастерства — только частично использовавшего крайне ограниченную возможность передать свою многогранную гениальность.

Ведь Дух, Огонь, Чувства, Размах, Глаза, Горизонты, Крылья, Сочность, Аромат — остаются с Поэтом жить, вечно изменяясь во Времени, вечно расцветая.

Это — Эльбрус Поэта.

А читатели — это Экскурсанты (Москвича или Горного клуба), едущие на линейках из Кисловодска на гору Бермамыт встречать перед Эльбрусом восход солнца.

Кто эти читатели — случайные экскурсанты, всегда гости, которых надо забавлять, ротозои любопытствующие, скусающие, одинокие, заброшенные, больные и чудaki.

Еще влюбленные, знакомые, друзья (редко родственники), врачи, арестанты и — вот главное и единственное — чудaki.

Всем этим читателям можно было — дело случайности — по существу и не ездить на Бермамыт, а только, пожалуй, достаточно знать о существовании Эльбруса...

Поэт, сознательно ошибаясь (пример: выпуская книгу), знает о долине разобщенности с читателями и глубоко скорбит о своей одинокой судьбе недошедшего до сердца читателей Пророка.

И это потому, что читатели — как случайные гости книги — лишены способности точно воспринимать смысл и назначение книги, как истины.

Понятно и просто; читатели словесно не развиты или, вернее, не организованы для восприятия образа — мысли, всегда рассеяны, хаотичны, заняты совсем другим; масса разных дел; книга же между прочим.

Книга читается урывками, скоро, поверхностно, по-дачному.

Психология читателя в перерывах резко меняется, перекрашивается.

Словесные центры перемещаются.

Поэт превращает слово — в вино, а читатель пьет воду.

Читатель не впитает сущность книги, не пойдет за поэтом — о, нет.

Если слово для поэта — самоцель, самоценность, а мысль — движенье, полет.

То для читателя то и другое средство, продукт и что-то мало понятное.

Специалистов-читателей ведь нет — значит нет здоровых, развитых, организованных воспринимающих читателей слова.

Все читатели страдают афазией во всех стадиях по Кусмаулю и особенно — парафазией, при которой спеление представлений со словесными образами настолько извращается, что вместо логически-красивых сочетаний слов получают ложные, совершенно искажающие смысл творчества.

Одна из распространенных стадий среди читателей — это словесная слепота.

Страдающие ею прекрасно (особенно критики) видят глазами напечатанное слово, но не в состоянии понимать их и группировать в сознании.

Платен утверждает, что для совершения восприятия словесных форм — условностей нужна энергичная работа воспитания (дело культуры), что человек быстрее всего усваивает речь мимики и жестов; потому, эта речь является природною речью глухонемых и идиотов.

Во всяком случае — если книга читается чудакими или друзьями, или любимыми, эти читатели,

произнесенные лучами интуиции, принимают поэта целиком индивидуально, но и они далеки от истинного неба книги.

И тут — долина, и тут не то. Значит есть роковая ошибка, трагедия.

Книга, — как ее читают и понимают читатели — для поэта — смерть, ничто, проклятие.

Или надо перестать писать книги словесного мастерства, или надо читателям лечиться от афазии.

Что лучше?

Большой вопрос...

Василий Каменский.

А. Д. Кошневский.

— «НЭО» — Новая открытка.

О. П. Фрельс.

— Наше «сегодня» слишком похоже на «позавчера». Жду «завтра».

А. Цукерман.

(Заведующий Бюро Природоохраны урала М. С. Р. Д.)

1. Победа железнодорожников в Германии в предвечной забастовке.

2. Победа Революции.

3. Скорейшая помощь голодающим.

Что увлекает Вас сегодня?

А. Л. Вишневский.

(Архист Моск. Худож. театра).

— Что увлекает меня сегодня?

Меня волнует, как часто, до слез трогает выступление Марии Николаевны Ермоловой в спектакле 6 февраля на подмосковном нашем Художественном театре, где мы будем играть вместе.

Проф. П. С. Косин.

Последняя Нто.

Проф. П. П. Калитерев.

Что изучала работа по истории естественных XVII и XVIII века,

в связи с развитием логических идей, преимущественно во Франции XVIII века, а также о влиянии естественных наук на философию природы Шеллинга.

В. Менделеевич.

И хочу, чтобы сегодня пробки, благодаря всеобщему искусству, забыты и невозможны нашей излеченной женить.

Н. Н. Евреинов

о Василье Каменском.

Василий Каменский!

Я не знаю другого поэта, от которого так разлилось бы юностью с-ее улыбками, прыжками, непосредственным подходам к труднейшим проблемам жизни, бесшабашностью голубоглазием веры и песнями, песнями, песнями!

У него настоящая магия преображенья Времени! И, как автор Театра юности, он вызывает во мне восторг, преисполненный удивления.

Быть Василием Каменским—это значит быть вечно

18-летним

Это значит быть мудрецом, разгадавшим непосильную для смертных загадку.

Я не знаю ни одной строки в стихах Каменского, где бы слышался тлетворный запах Старости, стук руки ее отсчитывающей, часы минуты, секунды...

Он вечно юн! И потому он вечно дерзок, весел, пьян, не жмурится от ярких лучей солнца, и не затыкает себе уши от гомона житейского базара.

Его поэзия—райская поэзия в классическом смысле Элизюме, где вечно зеленые деревья, вечно звучат по-весеннему ручейки и речки, вечно юны пебожители.

Быть вечно юным—удел богов!

Этот удел разделяет и Каменский, настоящий поэт жизни, театрализирующий время в эпоху вечной осени.

Василий Каменский высится над временем, как человек над послушной его воле собакой.

„Куда-де время, когда времени колесо не куда-де“.

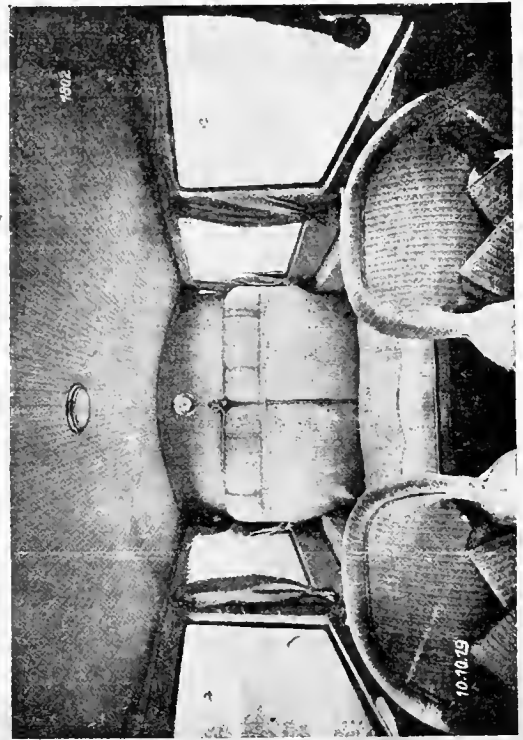
—Говорится так в Апокалипсисе.

Мне не страшно то предсказание, когда я думаю о Василье Каменском.

Слава Гению, ставящему волю свою выше природы и в тридцать шесть лет по праву восклицаящему:

„Лейся моя кумачовая молодость—
Я не знаю никаких берегов“.

Н. Евреинов.

Комфорт воздушного сообщения.

Внутренность пассажирской кабины самолета Юнкерс.

Примечание В. Каменского.

После такой воспаленной статьи Николая Николаевича казалось бы я должен действительно чувствовать себя наруженным сознанием своей неотразимости и ходить мутило, как опоясанный лошады.

Но я не таков. Да-с. Не таковестии. И если Н. Н. Евреинов возносит меня, то я умею радоваться за Искусство Единого Жизнетворчества на общее благо.

Ибо весь я отдан Искусству и поэтом обязан быть без берегов удивляющим, затейливым, кумачовым, юным, зажигающим, революционным.

Я таков и есть, таким родился, таким расплетаю дальше, лезу выше, взираюсь глубже, размахиваюсь шире. Пшшш, возьми.

А что выйдет дальше—посмотрим—мне самому очень интересно.

В. К.

Поэт Великого Пролома.

(Статья Бориса Корнеева).

1.

Он всегда был озерным крайностями.

Светлая утробеющая голова, взвиренная тысячами стремительных фантазий.

То он — Степика Разин, злущий костры в жигулевских горах на волновой дороге — или вдруг — храбрый путешественник Майн-Рид в пропической Мекенке, то он тихий рыболов на Каме, живущий в избушке, или знаменитый Поэт, чьи стихи в книгах и так объясняют красоток, что кружатся сердце от счастья праздничных слов.

Тайком он, Вася Каменский — неустанный затейник и изобретатель всяческих замыслов в детстве.

„Кем бышь? — обычный вопрос, который задает себе каждый гениальный ребенок.

(В детстве мы все почти гениальны).

И Вася придумывает:

„Буду еще и Робинзон-Крузо, и Дон-Кихотом, и Лесным, и Капитаном Корабля, и Жар-Птицей, и Инженером, и Бродягой, а главное, останусь сияющим поэтом навсегда“.

„Обишь всем, пройди все пути лучшей жизни, все переживишь, всех полюбишь, и станешь навеки поэтом“ — вот калятевский ответ, который он дал самому себе, людям, земле, небу, солнцу, птицам и траве.

И ему, мечтателю и фантазеру, конечно, уже противны эти школьные стени, убивающие все радужные мечты и мекенские возможности, где „даже в перемену нельзя дуришь, а на уроках будто нарочно спрашивают такое, что не знаешь и ставят двойки с минусом, ученики ябедничают, учителя злые — все в очки видят, нападают, рычат“.

И только весной начинается жизнь, когда ушел Вася в школу, а очутился плавающим на Абригах, бегающим по берегу и пристани...

„Школа — черт бы ее побрал“!

„Главное — сохранишь детское сердце“.

„Так будет ярче мудрость и отчаянное воля“!

2.

Взрослые резко понимают детей и калечили гениальную душу.

Совсем не такъв дядя Ваня, он удивительный человек: лесной, птичий, рыбацкий, уютный, жизнерадостный, он — Робинзон-Крузо, у которого:

„Домик серебряный

На Монастырской, 50.

Там, за воротами — ребята.

Над крышей — голуби висят.

У бани

В ограде, дыра Вани

Кормит куриц и гусят“.

Только у дяди Вани хватало столько чуткости и доброты, что он стал братом с собой на почтовую рыбную лодку Васю и рассказывать где-нибудь на берегу, за наспившем, всякие невероятные приключения, играя остроумием и жизнерадостностью.

Вот это — жизнь, жизнь — достойная славы!

И пошел к кораблям и морю, пошел на великий пролом, оцарованный зиром — невестой, навстречу пестрой судьбе, песнебос и рыцарю земли — Василию Калеский.

3.

Стихи приключения на пути к творческому раздвояю. Революция 1905 г. Горьки, Поездка в Турцию, Встречи в литературных кружках и редакциях Москвы и Петер-

бурга, полеты на аеропланах, в Варшаве, деревенские заветы, карнавальные шествия футуризма (Каменский, Маяковский, Оурлюк) по взволнованным городам, анекдотические происшествия, лекции и красочные гастроли — всего не перескажешь, не пересчиташь всех пристаней и мелей того океана скитаний, где пошел в божественной беспечности корабль молодости безудержного в радужных достижениях поэта.

И где бы ни очутился Каменский: у законченного — ли рыбацкого чулука, или в весенней аллее с городской девушкой-лапью, он всюду поэт, он все принимает, все с благодарностью.

„Оудет — что сбудется.

Земное забудется,

Если на радугах

Оудут раскинуты

Палатки из девичьих кож

Для нас —

Пролетарщиков“.

Вот он в тумане стремительных чудес предлагает:

— Хотите,

Я возьму Вас пассажиркой?

Ровно в 6 часов.

Вздрогнет электричество.

И полетим

Над городом вечерним“.

Это — экстаз поэта, плененного городом, его электрическими чудесами, кружевным пороком и неизбежностью светлого греха. Послушайте его:

„Дуляя напроке в аллеях у стрелки

Печально встретил я

Девушку лапю,

С глазами пугавыми будто у белки

И девушка стала святая желань“.

И сколько их, нежных лапей, вослел своим солнечным сердцем поэт, как звездные брызги вечности, как те цветы, которые по лирическому выражению Чехова, украшают грустные поляны нашего одиночества.

4.

Но город зигом надел поэту, душа просит раздвоя, от лани городской он стремится к лани степной и

„Утром (пока все спит)“,

Говорит он

„Сложу футурные стихи

В мешок крупчаточный,

Вываю на горб,

И с посохом

Уйду на словомолие.

Дорогой буду петь легенды.

И просто одиночествовать“.

А вот его короткая молитва:

„Земля,

Меня помилуй и прости.

Я летал

На аэроплане.

Теперь в канаве

Хочу красивой

Растить.

И вчера еще прославлявший цирк, певши девушку лапю, электричество и паркет, сегодня, как бы спохватившись, ушедши в широкие ветви сосен, Каменский упрекает тех, кто растерял на пыльных панелях улиц радостную мечту об Утращенном Озере и несет ее голодецкий свет в четверке пахля по дугам и лесам, от которого ужас объемлет лесных обитателей и ствшеет кровь у прохождо по лесной дороге.

Влюбленно—грустивший он вдруг стал неузнаваем, он почувствовал стихию воды и беспределность циклон радости, обнявший волжским разголом он пошел на Великий пролом.

5.

— Сарынь на Кичку!— несетя старый разбойный клич из его легко вздохнувшей груди.

Сам Стевкя Разин оживает в нем из глубины лет. И не оставившись теперь вырвавшегося из оков города поэта.

....Я от людей уйду рѣбачить,
И где-нибудь в шатре на Каме
Я буду сам варить картошку,
И засыная с рѣбаками
Вертечь махорочную ножку“.

И воспевши Стевкю Разина, гениально воспевши его скитальческую душу, его Великий Пролом во имя Освобождения Воли и Духа Народного, Василий Каменский повил, что никакое доброе место, никакие столбы с перекладинами не страшны океанским порывам.

Он сам—поэтический Стевкя Разин,—вечный печальник и звонарь молодости верит в молодецкое чудо своей песни, верит в великие возможности, грядущих через Пролом бесшабашных затейников новой жизни.

„Какое разголове сердцу печально.

Чужесыбие встрепаются напоры.

Революцию славьте раскатно, отчаянно

Пускай удивляются гербы“.

Борис Корнеев.

Что будет в Москве.

— „Странствующий энтузиаст“. Театр подвал. Во главе: Борис Пронин, И. Н. Певцов, В. Р. Раппорт, Г. Б. Якулов. Скоро открытие.

— Кафэ „Риваль“ (Тверская, угол б. Гнездики.) Театрализуется по плану В. Г. Зак и В. Каменского пойдет „Роман в кафэ“.

— „Власть комедиантов“, либретто Василия Каменского. Экзотический балет готовится в выс. Хореограф. курсах (Б. Дмитровка, 9). Музыка Саца.

„МАРИЙ“.

Пьеса Ю. Зорича.

Автором помещенного в 1912 г. в „Русской Мысли“ знаменитой повести—„Рядовой Сизанко“—Ю. Зороховичем, написана пьеса в которой воспроизводится древний Рим, эпоха борьбы патриция Суллы и вождя преторианцев Мария.

Интересная по замыслу и сценичности пьеса выйдет в конце февраля отдельным изданием. Иллюстрационная часть поручена художнику С. П. Грузенбергу, известному своими интересными работами по Петербургской выставке „Мира Искусств“ в 1912 г.

С. Грузенберг удостоен первой премии на конкурсе В. Ц. С. П. С. за изготовленную эмблему для Профсоюзов.

— „Ставка на бессмертие“ (роман в стихах, 23 главы) Василия Каменского, будет печататься в журнале „Возрождение“, издательство „Время“. Журнал скоро выйдет. Там же будет печататься найденный (до сих пор неизвестный) роман Джека Лондона.

— Маяковский и О. Брин. Готовят к печати новый журнал.

— Давид Бурлюк, проживающий в Иокогаме, скоро приезжает в Москву с грандиозным материалом новых картин, книг, коллекций японских рисовальщиков.

— Велимир Хлебников и Алексей Крученых, выпускают ряд новых вещей—книг (с украшениями работы Крученых).

Выставка картин Павла Кузнецова и Елены Бебутовой.

Апрельская весна обещает быть изумительно живописной: в Москве откроется выставка перво-классного европейского мастера—Павла Кузнецова и талантливой Елены Бебутовой, чье восходящее имя да будет сияющим откровением.

Достойно памяти, что Елена Бебутова выставит большую картину, написанную к поэме „Цувамма“ В. Каменского.

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КАФЕ.

Единственный шаг, который может нас спасти от опошляющей кафезации театра—это

Театрализация кафе.

Я полагаю—и в этом меня поддержал В. В. Каменский, что если публика требует легкомыслия и пошлости и убегает в кафе, то мы ее должны очистить там и заставить осерьезиться.

Если публика почти не выдерживает актов пьесы и мы не в состоянии ее удержать в театре, то мы должны хотя бы без единого акта—из-за угла заставить ее воспринять подлинное художество.

Не надо никакой сцены, ни кулисы, ни занавеса.

Весь зал—наша сцена.

Сидели же в театре Вилльяма Шекспира зрители на сцене и никому не мешали—так и там не помещают люди за столиками.

Нам не надо аксессуаров—только то что есть под рукой; нам не надо помостов—у нас есть столы и стулья.

На ничего не ожидающую публику тем сильнее подействует наша игра.

Вот к чему мы идем в погоне за современностью—поймать ее и заставить себя слушать.

Не надо бояться уронить свое достоинство, декламируя со столика dem reinem ist rein—чистому—все чисто.

И чистой мыслью об искусстве мы создаем чистое искусство.

Виталий Зак.

Все открывают магазины и бойко торгуют. Ну, и я решил перейти к новой эконом. политике.

МАГАЗИН

Василия Каменского

Принимаю заказы на стихи и речи по случаю именин, крестин, юбилеев, похорон, свадеб, семейных, коммерческих и общественных торжеств.

Исполнение точное и аккуратное. Цены умеренные (как всюду),
(продуктам — предпочтение).

ГОТОВ выступить на концертах со стихами.

Читаю уверенно, музыкально, и, по отзывам спортсменов, вообще произвожу благоприятное впечатление.

ЕЗЖУ (неудобно же сказать хожу) по частным квартирам в качестве именинника: читаю стихи, рассказываю, держу себя просто, без фасона и никогда никого не обижаю.

Советую переиздать мои след. книги

- 1) **Стенька Разин** (пьеса).
- 2) **Стенька Разин** (роман).
- 3) **Землянка** (роман).
- 4) **Девушка босиком** (стихи).
- 5) **Моя биография — великого футуриста.**
- 6) **Звучаль веснеянки** (стихи).
- 7) **Книга о Евреинове.**

(Продается мое новое выступление):

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР!

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

будет держать публичный

ЭКЗАМЕН на ГЕНИЯ

- 1) Биография—исповедь.
- 2) Почему желаю знать—Гений я или нет?
- 3) Мои критики, крытики и крутики.
- 4) Портреты друзей и врагов.
- 5) Мое настоящее и будущее.
- 6) Образцы словотворчества из 15 книг моих.
- 7) Желающие из публики читают стихи Василия Каменского.
- 8) Автор читает стихи по выбору всей аудитории.
- 9) Открытое публичное голосование за признание Василия Каменского гением.
- 10) Слово поэта о результате признания или непризнания.
- 11) Вопрос (в случае признания) о памятнике Василию Каменскому.
- 12) Апофеоз.
- 13) Разъезд.

Внимание издателей.

Готовы к печати следующие мои новые рукописи:

- 1) **ПАРОВОЗНАЯ ОБЕДНЯ.** Пьеса в 4 служениях, со стихами.
- 2) **ЗДЕСЬ СЛАВЯТ РАЗУМ.** Пьеса в 4 актах, со стихами.
- 3) **ЛЕСТНИЦА НА НЕБО.** Пьеса-сказка в 4 переменах.
- 4) **КАРЬЕРА СУКИНА СЫНА.** Роман, проза. (Фабула: гениальный самородок гармонист Никита—символ русского духа,—вступает в борьбу с интеллигентным представителем сукинсынского мещанства).
- 5) **НОВЕЛЛЫ.** Тропическая книга: Атуяя, Гаяро, Знойная Хатсу, Зима и май, Хоулн-стэй и др.
- 6) **НА ОКЕАНСКОМ БЕРЕГУ СТИХОВ.**
- 7) **СОН ВЕЛИКОГО ЛОДЫРЯ.** Феерия в 4 этажах.
- 8) **НАУЧНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ ПОЭТОВ ПИСТОЛЕТОВ.** В стихах.
- 9) **СТАВКА НА БЕССМЕРТИЕ.** (Продан. изд. „ВРЕМЯ“).

Редактор-издатель *Василий Каменский.*

Завед. редакцией *С. Фрид.*

Номер журнала верстали: Прохоров, Назаров, Михайлов.

81-3/
Тыканы

